

Кустодиев Борис Михайлович

**Русь. Русские типы Б.М.
Кустодиева**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Б82

Б82 **Борис Михайлович К.**
Русь. Русские типы Б.М. Кустодиева / Кустодиев Борис Михайлович – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 71 с.

ISBN 978-5-519-92023-0

ISBN 978-5-519-92023-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

РУСЬ

РУССКИЕ ТИПЫ

Б. М. КУСТОДНЕВА

С Л О В О

ЕВГ. ЗАМЯТИНА

«АКВИЛОН»

ПЕТЕРБУРГ

1923

Бор—дремучий, кондовый, с берлогами медвежьими, с крепким грибным и смоляным духом, с седыми лохматыми мхами. Видал и железные шеломы княжьих дружин, и куколи скитников старой веры, и рваные шапки степановой вольницы, и озябшие султаны наполеоновых французишек. И—мимо, как будто и не было, и снова: синие зимние дни, шорох снеговых ломтей—сверху по сучьям вниз, ядреный морозный треск, дятел долбит; желтые летние дни, восковые свечки в корявых зеленых руках, прозрачные медовые слезы по закорузлым крепким стволам, кукушки считают годы.

.....

Но вот в духоте вздулись тучи, багровой трещиной расселось небо, капнуло огнем — и закурился вековой бор, а к утру уже кругом гудят красные языки, шип, свист, треск, вой, полнеба в дыму, солнце — в крови еле видно. И что человечки с лопатами, канавками, ведрами? Нету бора, с'ело огнем: пни, пепел, зола. Может, распашут тут неоглядные нивы, выколосится небывалая какая-нибудь пшеница и бритые арканзасцы будут прикидывать на ладони тяжелые, как золото, зерна; может, вырастет город — звонкий, бегучий, каменный, хрустальный, железный — и со всего света, через моря и горы, будут, жужжа, слетаться сюда крылатые люди. Но не будет уж бора, синей зимней тишины и золотой летней, и только сказочники, с пестрым узорочьем присловий, расскажут о бывалом, о волках, о медведях, о важных зеленошубых столетних дедах, о Руси.

Как осташковский Нил - Столбенский - Сидящий, жил в этом бору Кустодиев, и, может быть, как к Нилу, все они приходили к нему — всякая тварь, всякое лохматое зверьё, злое и ласковое, и обо всех он рассказал — на все времена: для нас, кто пять лет — сто лет — назад еще видел всё это своими глазами, и для тех, крылатых, что через сто лет придут дивиться всему этому, как сказке.

Не Петровским аршином отмеренные проспекты — пет: то Петербург, Россия. А тут — Русь, узкие улочки, — вверх да вниз, чтоб было где зимой ребятам с гиком кататься на ледяшках, — переулки, тупики, палисадники, заборы, заборы. Замоскворечье с старинными, из дуба резными названиями: с Зацепой, Ордынкою, Балчугом, Шаболовкой, Бабьегородом; подмосковная Коломна с кремлевскими железными воротами, через какие князь Димитрий, благословясь, вышел на Куликово поле; «Владимиров» Ржев, с князь-Дмитриевской и князь-Федоровской стороней, может и по сей день еще расшибающими друг дружке носы в знаменитых кулачных боях; над зеркальною Волгою — Нижний, с разливанной Макарьевской, с парходными гонками, с стерлядями, с трактирами; и все поволжские Ярославли, Рома-

.....
новы, Кинешмы, Пучежи — с городским садом, досчатыми тротуарами, с бокастыми, приземистыми, вкусными — как просфоры, пятиглавыми церквями; и все черноземные Ельцы, Лебедяни — с конскими ярмарками, цыганами, лошадыми маклаками, нумерами для приезжающих, странниками, прозорливцами.

Это — Русь, и тут они водились недавно — тут, как в огороженной Беловежской пуше, они еще водятся: «всех-давишь» — медведи-купцы, живые самовары-трактирщики, продувные ярославские офени, хитроглазые казанские «князья». И над всеми — красавица, настоящая красавица русская, не какая-нибудь там питерская вертунья-оса, а — как Волга: вальяжная, медленная, широкая, полногрудая, и как на Волге: свернешь от стрежня к берегу, в тень — и, глядь, омут...

.....

В городе Кустодиеве прогуляйтесь — и увидите такую красавицу, Марфу — Марфу Ивановну. Кто ж родителей ее не знал: старого мучного рода, кержацких кровей, — жить бы им да жить и по сей день, если бы не поехали масленицей однажды кататься. Лошади были — не лошади: тигры, да и что греха таить — шампанского лошадям для лихости по бутылке подлили в пойло. И угодили сани седоками и кучером — прямо в весеннюю прорубь. Добрый конец!

С той поры жила Марфа у тетки Фелицаты, игуменьи — и спела, наливалась, как на ветке пунцовый анис.

Рядом по монастырскому саду из церкви идут: Фелицата — с четками, вся в кlobук и мантию от мира закована, и Марфа — круглая, крупичатая, белая. На солнце пчелы гудят, и пахнет — не то медом, не то яблоком, не то Марфой.

— Ну что ж, Марфа — замуж-то, не откладывая. Яблоко во-время надо снимать, а то птица налетит — расклевывает, долго ли до греха!

Была в миру Фелицата, кликали ее Катей, Катюшенькой — и знает, помнит.

Ездят женихи к Марфе — да какие: тузы! Сазыкина взять — богачей первейший, из кустодиевских — Вахрамееву одному уступить. Отец его из Сибири, говорят, во время оно в мороженных осетрах два пуда ассигнаций вывез, и не совсем, будто, тут ладное было — ну, да ведь деньги не меченые. Не речист, правда, Сазыкин и не первой уж молодости и чем-то

.....
на Емельяна Пугачева сдает — да зато делец, каких
поискать.

Ездит и сам Вахрамеев, градской голова — по
другой жене вдовец: будто к Фелидате ездит (еще
Катей ее знал), да всё больше с Марфушей шутит.
Как расправит свою — уже сивую — бороду, да сядет
вот так, ноги расставив, руками в колени упершись,
перстнем поблескивая, да пойдет рассказывать —
краснобаек у него всегда карманы полны — ну, тут
только за бока держись!

А тетка торопит Марфу — чует, недолго уж жить
самой:

— Ты, Марфа, — чего тут думать: к такому делу
ум — как к балыку сахар. Ты билетики с именами
сделай — да вот сюда, к Заступнице, на полочку. Что
вынется — тому и быть.

Вахрамеева вынула Марфа — и камень с сердца:
тот-то, Сазыкин, темный человек, Бог с ним. А Вахра-
меев — веселый, и отца ее знал — будет вместо
отца.

Как сказала Фелидата Сазыкину, какое от Заступ-
ницы вышло решение — ничего, промолчал Сазыкин,
в блюде с вареньем глядя. Только вытащил из вар-
енья муху — поползла, повизгивая, муха — долго гля-
дел, как ползла.

А на утро узнали: тысячного своего рысака запалил
в ту ночь Сазыкин.